

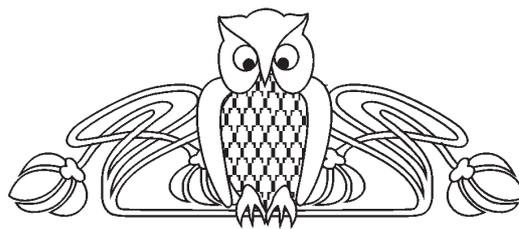

УДК 821.161.1.09+929 Плеханов

О НЕУСТРАНЕННОМ ПРОТИВОРЕЧИИ В ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКОЙ РЕЦЕПЦИИ НАСЛЕДИЯ Г. В. ПЛЕХАНОВА

А. В. Хрусталева

Саратовский государственный социально-экономический университет
E-mail: tevlin1982@mail.ru

В статье на материале советского плехановедения показано, что таксономическая проблема точного наименования и определения метода интерпретации текста в филологических науках не является решенной. Отсутствие критериев для типологии существующих методов неизбежно затрудняет работу литературоведа и мешает должной систематизации материала.

Ключевые слова: Г. В. Плеханов, метод, таксономия метода в литературоведении.

On the Unresolved Contradiction in the Reception of Plekhanov's Heritage in Literary Studies

A. V. Khroustaleva

The article demonstrates on the material of the Soviet Plekhanov studies that the taxonomic problem of exact methodological definition of text interpretation is far from being solved. The absence of typology criteria for existing methods inevitably hinders the work of literary scholars and interferes with the proper systematization of the material.

Key words: G. V. Plekhanov, method, methodological taxonomy in literary studies.

Труды Г. В. Плеханова, активно обсуждаемые в разных плоскостях советским литературоведением, к сожалению, нечасто становятся сегодня предметом литературоведческих дискуссий, в чем легко убедиться даже при беглом просмотре современной научной литературы. Между тем в отношении Плеханова накопилось много противоречий. Если в свое время его взгляды абсолютизировались (особенно ревностно такая абсолютизация осуществлялась до определенного периода представителями Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП)), то позднее возникло стремление к пересмотру наследия марксистского критика. Ни на «зрелом» этапе развития советской гуманитарной науки, например в 1970-е гг., когда Плеханову посвятил свое фундаментальное исследование Н. А. Горбанев, ни тем более ранее оценка мыслителя не была настолько определенной, чтобы существовало четкое и единое определение соотношения *конкретно-практической* реализации метода или методологии критика по отношению к *художественному* творчеству с диалектическим материализмом как *теоретической философской* системой.

Если мы оставим в стороне плюралистичную современность и обратимся к истории вопроса, рассматривая, как изучали интересующего нас

автора В. Л. Акулов, В. Г. Астахов, И. С. Беленький, Н. Ф. Бельчиков, Ю. Б. Боров, Б. И. Бурсов, Н. А. Горбанев, П. И. Збандуто, Л. А. Кищинская, А. В. Луначарский, П. А. Николаев, Н. М. Раковская, М. М. Розенталь, Г. П. Семенова, О. В. Семеновский, М. А. Яковлев (перечисление имен в целях необходимой систематизации литературы преследует *исключительно* алфавитный порядок. – А. Х.) и многие другие, то обнаружим, что наименование *метода* как такового совпадает в трудах указанных авторов скорее с устоявшимся термином, обозначающим *мировоззрение* и *политические* взгляды, чем с конкретными практически примененными приемами интерпретации или анализа текста. Гуманитарные науки привыкли к условности собственной терминологии, но следует обратить внимание на противоречие – диалектический материализм и марксистская критика противопоставляются в литературоведении учению Тэна о расе, среде и моменте, психологической школе Овсяннико-Куликовского, модернистским течениям и веяниям. Это означает, что в основу существующей классификации и периодизации явлений литературной жизни положены разные, совершенно не сопоставимые друг с другом критерии¹. отождествление политических и методологических убеждений не способствует, или во всяком случае не самым лучшим образом способствует, созданию последовательной теории метода.

Советское литературоведение выработало ряд тезисов по Плеханову. Во-первых, полагалось, что в марксистской критике он занимает серьезное место, но пафос его трудов не добирал силы до ленинского. Если период 1880–1890 гг. прошел под знаком борьбы критика с народничеством, то начиная с «Писем без адреса» он обращается к более широкому кругу проблем, «уклоняясь» при этом в оценке общественных и литературных явлений (в том числе деятельности Толстого – мыслителя и художника) от ленинской методологии. Поскольку перед первой русской революцией Плеханов находился на позициях меньшевизма, Ленин называл его идеи радикализмом в теории и оппортунизмом на практике. Советское литературоведение признавало, что есть предпосылки для того, чтобы рассматривать теорию Плеханова отдельно от практического применения ее в литературно-критических и публицистических статьях.

Во-вторых, особым образом подчеркивалась выдвинутая Плехановым пятичленная формула, объясняющая глубоко материальную природу искусства, которая была направлена, разумеется, против идеалистических концепций. Суть этой формулы сводится к тому, что искусство объясняется последовательно следующими ярусами: состоянием производственных сил общества; экономическими отношениями, обусловленными этими силами; социально-политическим строем, выросшим на данной основе; общим психическим складом, возобладавшим в обществе; наконец, разной идеологией, в которой все предыдущие факторы нашли свое последовательное отражение. Искусство классово по своей природе. Французская трагедия, представленная в классицизме, не имеет ничего общего с нуждами и чаяниями народных масс, поскольку возникла для удовлетворения нужд и эстетических потребностей аристократии, а древнегреческий Олимп, по Плеханову, был отражением реального общественного строя греков, но не абстрактно существующих идей.

В-третьих, поскольку в наименовании метода «*диалектический материализм*» необходимо было объяснить еще и суть диалектики, указывалось на знаменитую триаду «тезис – антитезис – синтез». Предполагалось, что Плеханову удалось отобразить литературный процесс диалектически, в единстве и борьбе противоположностей.

Особенно наукой было подчеркнуто, что критик ушел от биологизма в истолковании общественных явлений. Если по Дарвину чувство эстетики имеет довольно большое значение даже в жизни животных и потому объясняется как заложенное от природы, то по Плеханову человека в поиске красоты направляет стремление соответствовать определенной общественной группе. Так, дикарь украшает себя не в силу того, что благоговеет перед эстетикой, а потому, что хочет показать свое физическое и моральное превосходство над соплеменниками, доказать свое право на совместное с ними проживание на одной территории.

Обосновав социологические взгляды на искусство, Плеханов вывел, как известно, закон подражания и антитезы (в его собственном наименовании флексия иная – «закон антитеза». – *А. Х.*), суть которого сводится к тому, что подражание направляется доминирующей в определенных условиях общественной тенденцией, а противоборство возникает там, где эта тенденция исчерпана и изменились условия жизни. Но данный закон может распространяться и на явления несколько иного порядка. Так, Плеханов полагал, что дикий пейзаж нравится современному человеку по контрасту с надоевшими городскими видами, но он не мог привлекать нашего предка, вынужденного выживать в суровых условиях, ежедневно выходящего на схватку с природой². Современный человек стремится противопоставить себя внешним видом

низшим животным, но известно, что племена, находившиеся на иной степени культуры, наоборот, подчеркивали свое сходство с некоторыми животными – вырывали резцы и т. п.

Важнейший тезис, высказанный Плехановым, сводится к тому, что игра появляется *после* реальной жизнедеятельности. Игра – дитя труда. Искусство не возникло ради самого себя, но было предопределено трудовой и общественной деятельностью человека. Интересны в связи с этим следующие выводы Плеханова, органически связанные с ранее изложенными положениями: «Склонность к искусству для искусства возникает там, где существует разлад между художниками и окружающей их общественной средой»³. И наоборот, «так называемый утилитарный взгляд на искусство, т. е. склонность придавать его произведениям значение приговора о явлениях жизни и всегда ее сопровождающая радостная готовность участвовать в общественных битвах, возникает и укрепляется там, где есть взаимное сочувствие между значительной частью общества и людьми, более или менее деятельно интересующимися художественным творчеством»⁴. Но признав общественный и утилитарный характер творчества, Плеханов вовсе не был намерен останавливаться на социологическом анализе. Критика литературного произведения, по его мысли, должна быть двухактной: «...критика <...> изменяет своей собственной природе, если не понимает <...> что социология должна не затворять двери перед эстетикой, а, напротив, настезь раскрывать их перед нею»⁵. Итак, подчеркнем еще раз: социология, по Плеханову, – только *основа* исследования. Цели, которые он перед собой ставил, не ограничивались общественно-классовым анализом точно таким же образом, как возведение здания не может ограничиваться фундаментом.

Как видно из статей, мыслитель положительно решал вопрос о возможности применения сравнительного изучения литературы. Вот как Плеханов объяснял, например, появление декадентства: «...русская литература со времен Петра I находится под сильнейшим влиянием западно-европейских. Поэтому в нее нередко проникают такие течения, которые, вполне соответствуя западно-европейским общественным отношениям, гораздо меньше соответствуют сравнительно отсталым отношениям в России. Было время, когда некоторые наши аристократы увлекались учением энциклопедистов, соответствовавшим одной из последних фаз борьбы третьего сословия с аристократией во Франции. Теперь настало такое время, когда многие наши “интеллигенты” увлекаются общественными, философскими и эстетическими учениями, соответствующими эпохе упадка западно-европейской буржуазии»⁶.

Советское литературоведение, признавая несомненные заслуги Плеханова, видело в его трудах серьезные недостатки. Так, указывалось

на склонность автора впасть в идеализм: «Остро критикуя идеалистические взгляды в области эстетики, Плеханов вместе с тем допустил и ряд уступок идеализму. Так, он преувеличил значение психологических законов антитезы, подражания, симметрии в развитии эстетических чувств, не проводил последовательного различия между игрой и искусством»⁷.

Категоричнее настроен по отношению к Плеханову в работе 1930-х гг. М. М. Розенталь: «...и в политических, и во многих литературно-критических статьях обнаруживаются одни и те же пороки его метода классового анализа»⁸. Таким образом, признается наличие марксистского метода и само слово «методологический» у Розенталя выделяется разрядкой как исключительно важное, но при этом указывается на пороки в конкретно-практическом применении метода⁹. Какие же это пороки?

Легко заметить, что речь идет исключительно о политических убеждениях. Во время революции 1905 г. меньшевики во главе с Плехановым отводили руководящую роль в революции либеральной буржуазии, а пролетариат рассматривали в качестве ее помощника. Именно это дает Розенталью основание полагать, что Плеханов отошел от методологии Ленина. Розенталь приводит известное плехановское утверждение о том, что «на вербе не должны расти яблоки», в качестве иллюстрации *движения в сторону от марксизма*. Логика здесь следующая: тезис о том, что каждый художник – выразитель идей своего класса (верба не родит яблоки), верен, но неверно представление о том, что художник остается «заложником» своего класса. В то время как Плеханов считает, что правда в искусстве относительна, Розенталь полагает, что правда объективно существует и сполна выражена, как можно догадаться, в идеологии атакующего класса. Пороками Плеханова признаются, таким образом, его эстетический релятивизм и неортодоксальная партийность в оценке литературы. Современного литературоведа подобная аттестация удовлетворить не может а priori, из чего следует вывод, что точка в деле Плеханова поставлена быть не должна, во всяком случае при современной степени исследованности вопроса.

Скептицизм по отношению к Плеханову получил особое развитие в другом труде 1930-х гг., где указывается, что не Плеханов, а Маркс и Энгельс создали основы марксистской эстетики¹⁰. В рассматриваемой работе в качестве основного порока (не недостатка, а именно в такой формулировке! – А. Х.) плехановской теории указываются меньшевистская позиция, отсутствие пролетарской партийности в науке и литературно-критической деятельности. Критик якобы сидит, как «мудрый дьяк, в приказах поседельный, бесстрастно зря на правых и виновных», а подлинный марксист должен быть пристрастным в литературе. Таким образом, мы сталкиваемся не с рассмотрением

метода как такового, но с истолкованием мировоззрения и политических убеждений Плеханова.

Иначе подходит к вопросу М. А. Яковлев¹¹. Поскольку он ставит перед собой задачу рассмотреть, наконец, сам метод, применяемый Плехановым к анализу художественного произведения, а не диалектический материализм как философскую систему, исследователь приходит к справедливому наблюдению: «Мы найдем в высказываниях Плеханова... прямые суждения о факторах сравнительно-исторического метода в применении к русской литературе...»¹². Яковлев указывает на сходство идей Брюнетьера и Плеханова. Собственно, различие между ними в том, что там, где Брюнетьер видит влияние одних литературных произведений на другие, Плеханов обнаруживает то же самое влияние, но только объясняет его теорией классов и общественных групп.

Поскольку представителей РАПП называли вульгарными социологизаторами и эпигонами Плеханова, достаточно интересно взглянуть на образцы «эпигонства». Вот некоторые конкретные примеры: «Некрасов был *последовательным певцом революционной борьбы* (в оригинале слова, здесь и далее выделенные курсивом, приводятся в разрядке. – А. Х.), употребляя выражение Ленина, за “американский” путь развития»¹³; «... подчеркиваю, что под стилем я разумею диалектическое единство... тематических и формальных элементов, выражающее единство классово-психоидеологии»¹⁴. И также далее: «Отталкивание Некрасова и его поэтических соратников от канонов пушкинского стиля было эстетическим выражением борьбы революционных разночинцев с дворянством»¹⁵. В приведенных цитатах развивается идея об общности не только стиля, но и психоидеологии внутри определенного класса. Рассмотрим, как эта идея моментально дискредитирует сама себя.

«Когда я говорю о попутчиках революционно-разночинческой поэзии, я имею в виду отнюдь не биографический факт участия или неучастия того или иного поэта в непосредственной революционной деятельности. Такие поэты, как П. Лавров, И. Гольц-Миллер, Н. Морозов, С. Синегуб ... и др., были активными деятелями революционного подполья, но зато такие поэты, как глава школы Некрасов ... участия в работе революционных организаций не принимали ... Некрасов ни в коей степени не может быть зачислен в разряд попутчиков. Попутничество – факт не биографический, а социально-психологический и идеологический»¹⁶. Если биографический критерий отпадает и остается только пресловутая «психоидеология», то понятие самого класса становится чрезвычайно размытым. Анализ, осуществленный Г. Лелевичем, возможен только при условии предварительно проведенного слабо аргументированного (биографию в расчет не берем) деления писателей на классы, причем

понятие «класс» само по себе является в данном случае проблемой. Как соотносится между собой при таком подходе психоидеология, например, городского мещанства и духовенства (в этой среде могли иметь хождение одни и те же литературные произведения)?

Кстати, ни в цитируемой, ни во многих других литературно-критических и публицистических работах Лелевич, собственно, и не демонстрирует одного из главных принципов диалектического материализма – единства и борьбы противоположностей. Реализация этого принципа более наглядно видна в статьях энциклопедии, редактируемой В. М. Фриче, где последовательно противопоставляются, а затем сводятся «теза» и «антитеза» художественного творчества¹⁷. Таким образом, отдельно еще стоит проблема последовательности эпигонства.

Следует отметить, что советское литературоведение не дало ответа на главный вопрос: диалектический материализм в модификации Плеханова – это конкретный и единичный метод, «порочная» альтернатива и искажение ленинского метода или методология как совокупность подходов?

Нет необходимости дополнительно аргументировать то, что деление на классы в разных странах и в разные исторические периоды не совпадает. Более того, определенные ограничения на модель, предложенную Плехановым, накладывает современная ситуация. Искусство XXI в., существующее в сфере интерактивной коммуникации, распространяемое с помощью огромного количества технических новшеств, явно *внеклассово*. Но дело не в оценке метода, ибо по природе не бывает стопроцентно объективной интерпретации художественного произведения, а в таксономии. *Метод и мировоззрение – не одно и то же*. Нет решительно никаких оснований для того, чтобы в современном гуманитарном обороте политическая позиция отождествлялась с методологической. Поэтому те приемы, которые Плеханов применяет к художественному тексту, подлежат пересмотру и реинвентаризации. Необходимо на новом этапе тщательно и убедительно обосновать,

чем конкретный (взятый в иллюстративных примерах и цитатах) алгоритм анализа литературного творчества, проведенный Плехановым, коренным образом отличается от анализа культурно-исторической школы, сравнительного литературоведения. Все недостатки и достоинства Плеханова следует, несомненно, сформулировать заново, но уже исходя из того, что марксистская критика – лишь мгновение в мировой литературной жизни, а не решающий ее этап, но и это мгновение достойно объективного изучения.

Примечания

- 1 См.: Елина Е. О соотношении понятий «литературный процесс» и «литературная жизнь» // *Вопр. литературы*. 1998. № 3.
- 2 См.: Плеханов Г. Письма без адреса // Плеханов Г. В. Сочинения : в 24 т. М., 1932. Т. 14. С. 21.
- 3 Плеханов Г. Искусство и общественная жизнь // Там же. С. 126.
- 4 Там же. С. 131.
- 5 Плеханов Г. Предисловие к третьему изданию «За двадцать лет» // Там же. С. 189.
- 6 Плеханов Г. Искусство и общественная жизнь. С. 163.
- 7 Бельчиков Н. Г. В. Плеханов – литературный критик. М., 1958. С. 6.
- 8 Розенталь М. Вопросы эстетики Плеханова. М., 1939. С. 16.
- 9 Там же. С. 131.
- 10 См.: Г. В. Плеханов – литературный критик. Новые материалы / ред. и предисл. И. Ипполита. М., 1933.
- 11 См.: Яковлев М. Плеханов как методолог литературы. Л. ; М., б. г.
- 12 Там же. С. 92.
- 13 Лелевич Г. Поэзия революционных разночинцев 60–80-х гг. XIX века. М. ; Л., 1931. С. 21.
- 14 Там же. С. 33.
- 15 Там же. С. 36.
- 16 Там же. С. 132–133.
- 17 См.: Благой Д. Блок А. А. // *Литературная энциклопедия* : в 11 т. М., 1929. Т. 1. С. 517–518.

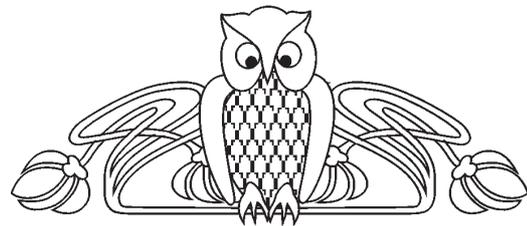
УДК 821.111.09–2+929 Уайльд

СВОЕОБРАЗИЕ КОНФЛИКТА В ДРАМЕ ОСКАРА УАЙЛЬДА «САЛОМЕЯ»

О. М. Валова

Вятский государственный гуманитарный университет
E-mail: olymihalna@yandex.ru

В статье предлагается анализ внешнего и внутреннего конфликта драмы О. Уайльда «Саломея». Внешний конфликт связан с уайльдовской идеей губительности для человека его страстей, во внутреннем конфликте представлено воплоще-

ние взглядов драматурга, связанных с его «философией нереального».

Ключевые слова: конфликт, «Портрет Дориана Грея», «Преступление лорда Артура Сэвила», «философия нереального».